

СВЕТЛАЯ СУДЬБА

70-летие
народной
артистки РСФСР
В. И. Никитиной

Молодость!.. Это, наверное, прежде всего избыток физических и духовных сил, то «половое чувство», которое делает человека сильным и целеустремленным. И, наверное, семьдесят лет — это совсем не старость, если человек, как и в молодые годы, полон энергии, неукротимой страсти трудиться и творить. Именно такой мы видим актрису нашего театра, народную артистку республики В. И. Никитину.

Год за годом, вот уже полсотни лет, приносит Валентина Иосифовна на сцену свои сокровенные раздумья о жизни и рассказывает о них людям для того, чтобы научить их глубоко верить и служить всему доброму и честному.

— Мой учитель — жизнь, — говорит актриса.

Школа ее жизни началась еще в те годы, когда она была маленькой девочкой, дочкой железнодорожного мастера из Ставрополя.

— Почему жена нашего начальника гуляет по саду, а ваша жена — стирает? — спрашивала девочка у своего друга, рабочего Соколова.

Как-то вечером старого рабочего принесли домой на носилках — обморозился. А его жена с тех пор стала стирать не только днем, но и ночью.

А однажды ночью разбудил стук в дверь. На пороге молодая женщина с маленьким сыном на руках. Их долго прятали, пока не затихли пожары и выстрелы, пока не угмонилась черносотенная банда. И все это время Валя видела глаза затравленной женщины, полные отчаяния и тупой покорности...

1904 год. Вокзальная сутолока, стоны раненых, крики женщин и опять их глаза, полные муки. А когда на улицы хлынула толпа бедно одетых людей и над ними, как языки пламени, взметнулись красные полотнища знамен, Валя спросила старого рабочего, чего хотят эти люди.

— Они хотят лучшей жизни для всех! — ответил он.

И Валя представила больную, изможденную, вечно озбоченную жену Соколова веселой и нарядной... «Как хочется, чтобы все были счастливыми!» — подумала девочка.

Не тогда ли и родилась у будущей актрисы «сверхзадача» ее творчества — мечта о свободном и счастливом человеке. Может быть, эта мечта и привела Валентину в театр.

Драматический кружок в Ставропольском железнодорожном клубе, первый учитель Николай Ипполитович Незнамов, объяснивший шестнадцатилетней девушке, что профессия актера — это не развлечение, а тяжелый и кропотливый труд. «Там, где нет искренности, нет и творчества», — говорил Незнамов кружковцам, и, быть может, есть и его заслуга в том, что правда и искренность стали верными спутниками творчества Никитиной.

А потом Ставропольский профессиональный театр. Произвол антрепренеров, которые только и думали, как бы выколлотить из труппы побольше барышей... Пьяные купчики, посылающие за кулисы хорошенькой актрисе рюмку водки... Зазнавшиеся истеричные примадонны, привыкшие смотреть на остальных актеров как на своих лакеев...

...Одетая в костюм рыбачки, бежала Валентина на сцену и вдруг... открытая дверь в грим-уборную. Валя остановилась у порога. Широко раскрытыми, восторженными глазами смотрит она на ту, которую так чут первые ряды зрительного зала. «Может быть, и я когда-нибудь буду первой актрисой в театре», — думает девушка и видит, как «примадонна» медленно поворачивается к ней. Валентина застенчиво улыбается и хочет поздороваться, но...

— Кто такая? Вон отсюда! — раздается вдруг истерический крик, и красивое лицо блистательной «героини» становится злым и безобраз-

ным. А потом — выговор режиссера и увольнение.

— Вот в каких условиях приходилось нам работать, — рассказывает Никитина молодым актерам. — А у вас есть все для творчества: умные учителя, добрые товарищи.

Умный учитель, добрый товарищ молодежи и сама Валентина Иосифовна. Как часто видишь ее, народную артистку, рядом с молодой актрисой или молодым актером! Она внимательно слушает, советует, щедро делится своим большим опытом.

— Главное — честность и чуткость к правде, — говорит Валентина Иосифовна и вспоминает, как однажды...

Играли мелодраму. Затянутая в вечернее бархатное платье вышла Валентина на сцену. И вдруг увидела, как из-под кружев обшлага выглядывает ее большая рабочая рука.

Еле-еле дотянула до конца спектакля. Пошла к режиссеру:

— Я не верю тому, что играю. Хочу играть роли бытовые, старух, например.

— Вы молоды, — рассмеялся режиссер. — Ну какая же из вас старуха?

Но она настаивала.

И вот выходит на сцену в полузаплатанном отрепье маленькая сгорбленная старушонка, из-под рваного платка падают на лоб пряди давно нечесанных волос. Лихорадочно горящие глаза, в которых через тупое бессмыслие отчаянно старается пробиться какое-то воспоминание. «Матушка барыня, да никак вы...», — наконец произносит она, и столько искренней боли, робкой радости и надежды на прощение в ее словах, столько достоверности во всем ее облике, что зритель уже не может оторвать глаз от этой жалкой старухи.

Ну кто узнает в полубезумной Галчихе (спектакль «Без вины виноватые» Островского) двадцативосьмилетнюю Валентину Никитину!

Уже в этой первой характерной роли ясно почувствовалась актерская тема Никитиной. За всем обликом Галчихи читалась грустная и скорбная повесть о тяжелой женской доле. Валентина Иосифовна сумела, сыграв Галчиху обездоленной, указать на главного виновника происшедшего — на ту жизнь в «темном царстве» зла и корысти, которая заставила героиню пойти на преступление.

Ставрополь, Харьков, Ростов-на-Дону, Херсон, а с 1934 года — Калуга — это все этапы того пути, который привел В. И. Никитину в большое искусство.

С самого начала творческого пути Валентину Иосифовну привлекают образы, психологически сложные, своеобразные. Уже тогда любила актриса кропотливую работу над образом, много думала над тем, как найти единственно верные, неповторимые жесты, походку, манеру разговаривать, как добиться верной характерности.

И опять она училась у жизни. Работая над образом больной и измученной жены рабочего в спектакле «Инга», Валентина Иосифовна, ясно представляя ее характер, не могла найти внешнего его воплощения. И вдруг, гуляя по городу, увидела женщину. Что-то почудилось в ее облике знакомое и близкое. Да это же героиня идет по улице! Долго шла за ней, стараясь запомнить и унести с собой ее жесты, походку, манеру разговаривать. До сих пор любит Валентина Иосифовна искать в жизни прототипы своих героинь.

Жизнь для нее — это неисчерпаемая сокровищница мыслей и чувств, которые оживают в творчестве актрисы в образах большой жизненной правды.

В первые годы революции с передвижным театром исколесила В. И. Никитина весь Донбасс, спу-

калась в шахты, видела, как сильные рабочие руки добывают стране «черное золото». Встречаясь с рабочими и крестьянами, беседуя с ними, Валентина Иосифовна читала ту книгу жизни, которая сделала ее большим знатоком человеческих душ. Ведь актриса — это прежде всего тонкий и умный психолог. «А иначе как же сможешь, — говорит В. И. Никитина, — воплотить в себе другого человека, сделать своими чужие мысли, зажить чужими чувствами?»

Овладевший трудным искусством перевоплощения актрисе помог и А. Островский, на драматургии которого Валентина Иосифовна выросла как характерная актриса. За 26 лет работы в Калужском театре она играла, за малым исключением, почти во всех пьесах великого драматурга.

Актрисе очень близка эстетика Островского. И в своем творчестве она использовала все богатство его комедийной палитры — от юмора до сатиры, у драматурга училась понимать сущность комического как противоречие между формой и содержанием.

«Тот, кто смеется над смешным, подходит к смеху серьезно» — говорит латинская поговорка. Такой «серьезный смех», смех по существу раздается в зале каждый раз, как только Валентина Иосифовна выходит на сцену.

Вот появляется перед зрителями Настасья Петровна, одна из героинь комедии Островского «Женитьба Белугина». Темное шелковое платье, красивая узорчатая шаль — все богато и добротно — и вдруг под роскошным полойником обнаруживается маленькая головка с жалкими и реденькими (будто их повыдергивали), тщательно прилизанными волосенками.

Внешний облик образа всегда рождается у актрисы из глубокого постижения характера персонажа, поэтому в портретных деталях у нее

никогда не бывает ничего случайного, так или иначе не связанного с сущностью изображаемого характера.

Если актер познается в паузе, то паузы Никитиной дают пример полной актерской органики на сцене. Еще ничего не сказано Настасьей Петровной, но весь ее облик — это уже первый шаг к уяснению образа женщины забитой и покорной, оглушенной долгим положением домашней рабыни. Все это смешно, но и грустно и обидно, и появляется глубокое отвращение ко всем тем диким нормам жизни «темного царства», когда грубо и безжалостно унижалось человеческое достоинство.

Ирония сменяется острой сатирой, когда актриса создает образ Дамы с чашкой в спектакле «Четверо под одной крышей».

Умение отыскать в характере глубоко своеобразные его приметы, найти ту «особинку», которая отличает одного человека от другого, актриса всегда сочетает с пафосом больших социальных и нравственных обобщений. И небольшой эпизодический образ Дамы с чашкой выстраивает до настоящего символа нелепости старой жизни.

Вот переступает она порог квартиры советских людей, смешная и странная, как нелепый призрак прошлого. Длинное черное платье, старинная гипюровая накидка небрежно и гордо накинута на тощие старческие плечи, на больных склеротических ногах — туфли на высоком каблучке. Чопорно садится на стул и начинает вынимать из сумочки бесконечные сухарики и — вот она, фарфоровая чашка. Нет, это не просто чашка. Это знак ее бывшего величия. И принесла она ее совсем не для того только, чтобы продать. Продажа чашки — это просто повод, чтобы рассказать людям о том, какой «красивой»

жизнью она жила в прошлом. Она несет в современные квартиры свои эстетические «ценности», пропагандирует эту «красоту» ушедшего мира — призрачного мира «фарфоровых фигур с тонкими талиями».

Дамы с чашкой — по-настоящему гротесковый образ, в котором заостренность внешнего рисунка сочетается у актрисы с предельной органичностью.

Умеет актриса подсмотреть смешное, найти «изюминку» комедийного и в так называемых «положительных» человеческих характерах. Как только в спектакле «В день свадьбы» на сцене появляется Матвеевна, в зале раздается смех. И кажется, актриса ничего не делает, чтоб вызвать его, она просто живет на сцене, действует, разговаривает. Но сколько симпатии, сколько добрых улыбок вызывает ее мыслящая современными категориями старушка, которая «не может жить без коллектива», слабенькая, дряхленькая, но с молодым задором и огоньком. И опять встает за этим характером образ нашего времени, когда стариться людям «некогда».

В. И. Никитина любит эпизодические роли, они дают большой простор для ее богатейшей фантазии. Она умеет по нескольку раз данным драматургом штрихам восстановить всю жизнь персонажа. Актриса никогда не выходит на сцену «из-за кулис», она появляется всегда из той жизни персонажа, которая скрыта от зрителя, и приносит на сцену ее атмосферу. И перед зрителем не просто эпизодический персонаж, а живой человек со своим характером, со своим отношением к окружающей действительности.

Образ матери, вдохновляющей своих детей на подвиг, становится центральным в творчестве актрисы после Октябрьской революции.

Сколько подлинной красоты умеет почувствовать и открыть перед зрителем В. И. Никитина в самом обычном, казалось бы, совсем неприметном человеке! Вот на заставке деревянного домика сидит маленькая старушка в повязанном по-деревенски платочке. Это Лагутина из спектакля по пьесе Афиногенова «Мать своих детей». Слабая старая женщина на наших глазах превращается в настоящую героиню, человека мудрого, сильного и мужественного. И перед зрителем уже не только мать своих детей, это — Мать в самом глубоком смысле этого слова, неиссякаемый источник любви к людям, готовая по малейшему зову броситься к ним на помощь.

Более 500 ролей сыграно Валентиной Иосифовной за 50 лет творческого пути, целая галерея самых разнообразных характеров русских женщин ожила в творчестве актрисы и прошла перед зрителем, чтобы навсегда остаться в их памяти.

Гражданская активность артистки, большая ее общественная работа — калужане знали ее и как активного депутата областного Совета, и как члена райкома КПСС — помогая старейшей актрисе Калужского театра всегда идти в ногу со временем.

...Стоит на улице Кирова двухэтажный каменный дом, чуть покачиваются на ветру тополя. Медленно кружась в воздухе, падают на асфальт пожухлые листочки, шуршат под ногами и расстилаются по саду золотисто-пестрым ковром. И вдруг утренняя тишина будто взрывается от звонкого удара топора. Еще удар и еще — летит в разные стороны щепа. Румяная, задорная и боевая 70-летняя народная артистка мастерит себе шкаф. Столярничать, вырезать по дереву — ее любимые занятия.

Да, все-таки молодость измеряется не количеством прожитых лет, а чем-то гораздо большим — наверное, огромной и активной любовью к жизни.

А. ШУРКИНА,
заведующая литературной
частью областного
драматического театра.

Фото Л. Петрова.